

Шутки Мнемосины

Александр Шипицын

Принужденно улыбаясь, встречающимся в небольшом актовом зале учреждения знакомым, Архипыч, пряча серо-желтое лицо и покрасневшие глаза, стараясь делать выдох, снабженный известным "факелом" в сторону, пробирался к избранному им, в самом конце зала, месту. Мутило его так, что хотелось выть. Характерный, с кислинкой, самогонный перегар удалось слегка завуалировать целой пачкой лаврового листа, засунутого за обе щеки, отчего и без того одутловатое, от трехдневного злоупотребления, лицо приобрело и вовсе ему не свойственные размеры.

Собрание началось. В зале было прохладно. Докладчик что-то бубнил по бумажке. Сердцебиение и тошнота, временами подающие настойчивые признаки своего присутствия, улеглись ненадежными кольцами на дне колодца, имеющего скользкие и сизые, цвета печени алкоголика, оплетенные сетью дряхлых сосудов, стены. Архипыч начал погружаться в дремоту. Внезапно жуткое видение гневного женского лица, появившееся на стене пригрезившегося колодца, пробудило его засыпающую память. А память нарисовала картину, заставившую его подскочить. Подскочив же, он, с дикими глазами, прямо по ногам соседей ринулся из зала. В ответ на недоумевающие и негодующие возгласы, доносящиеся из президиума, он только рукой махнул и выскочил из зала.

Покинув здание учреждения, он побежал, к уже надежно забытой стоянке такси, оттолкнул, собирающегося воспользоваться услугами колесного сервиса полноватого мужчину и, мыча что-то нечленораздельное, указал жестом водителю: "Вперед!" Ошарашенные неожиданным напором, ни водитель, ни владелец, нагло поправленных, делегируемых первенством прав, сопротивления не оказали и Архипычу уступили. Желтая с шашечками "Волга" резко тронулась с места.

Задолго до гаражного кооператива, Архипыч, обшарив все карманы трясушимися руками и, как всегда, в последнем из них, нашел связку ключей от дома и гаража. У ворот кооператива он расплатился с таксистом, выронил горсть мелочи и, не обращая внимания на потерю, помчался к своему гаражу. Оглушенный паровозным шумом пульса в ушах и задыхаясь, он непослушными, ослабевшими от страшных предположений, пальцами открыл замки и потянул створку гаражных ворот на себя...

Вылетевший в образовавшийся проем тяжелый слесарный молоток угодил в центр его лба, оглушил, сбил с ног и, на некоторое время, принес тишину и успокоение забвением. За несколько месяцев до описываемых событий, ценой долгих мытарств и изрядных затрат Архипычу удалось сбить с рук гараж, который располагался рядом с солидным учреждением, и где Архипыч подвизался на должностях начальника средней руки. Затем он приобрел гараж в кооперативе очень близко к его дому расположенный. Это решило ряд существенных проблем. На работу теперь можно было ездить на своей машине, не подвергаясь раздражающим контактам с сумками беспокойных старушек или с потными животами разгоряченных толстяков. В гаражном подвале стало удобным держать картошку и домашние консервации, а также такие вещи (в общем-то, старый хлам), которые выбросить было жалко, а хранить дома не хотелось.

Был в этом гараже еще один плюс, о котором даже жена Архипыча не догадывалась. Задняя треть гаражного помещения была отгорожена деревянной, оштукатуренной и побеленной стенкой. Стенка же была снабжена, также побеленной, дверцей, которую ловко маскировал, висящий на гвозде старый плащ. Человеку, впервые попавшему в гараж и не очень внимательно присматривающемуся к деталям, даже в голову не могло прийти, что здесь имеется потайная комната. Предыдущий хозяин даже и не пытался забрать отсюда выдавший виды, но еще довольно крепкий, раскладной диван-кровать, занимающий почти половину комнаты. Что бы этот диван вынести, надо было разобрать стенку, которую, очевидно, устанавливали, когда диван уже стоял на своем нынешнем месте. Журнальный, перенесший немало житейских невзгод, столик, два скрипучих стула, с сидениями, оббитыми коричневым, полосатым велюром, пока еще действующая "Спидола" и престарелая настольная лампа делали тайное обиталище вполне пригодным для частных бесед. Маленькая прикроватная тумбочка, местами сохранившая пятна лакировки, гордо несла на себе еще вполне исправный патефон и стопку пластинок в дранных бумажных конвертах, украшенных выцветшими портретами Клавдии Шульженко, Дайаны Росс и Леонида Утесова. Зеленоватого цвета гобелен с рогатым оленем, висящий на стене над диваном, создавал хоть и старомодный, но почти семейный уют и позволял принимать в убежище гостей не только мужского пола. Все это великолепие обливалось слабым желтым светом, который с трудом пробивался сквозь запыленный шелковый абажур престарелой настольной лампы.

Мысль принимать здесь не только особ мужского пола пришла Архипычу в голову сразу же, как только он ознакомился с содержимым и удобствами потайного помещения. На часть заначки, давно и предусмотрительно сберегаемой от бдительного ока супруги в перчаточном ящике синей "Волги", он приобрел подушку, наволочку и две простыни, которые до удобного момента хранил в облезлой прикроватной тумбочке. Учитывая особенности местного климата, был приобретен полуторакиловаттный калорифер, позволяющий, учитывая мизерность кубатуры помещения, поддерживать вполне сносный температурный режим вплоть до холодов. Неприятные впечатления от встречи с женой, когда он, в трусах и майке, так неожиданно быстро вернулся из командировки, несколько поблекли, а враг рода человеческого, как известно, не дремлет никогда.

Людмилу, женщину преисполненную всяческих достоинств, включая строгий нрав и стройную, с классической формы грудью, фигуру, перемещала в пространстве пара красивых, длинных и гладких ног. Архипыч стал примечать ее уже на второй день, с тех пор как стал ездить на машине домой. Частенько она тащила в обеих руках увесистые сумки, что ее совершенно не портило.

Несколько раз он, обдавал ее из-за автомобильных стекол взглядом такой откровенности и силы, что она, чувствовала этот взгляд даже сквозь, носимые им по летнему времени, темные солнечные очки. При этом она придавала своему лицу выражение, какое бывает только у человека, который, боясь холодной воды, все же в эту воду лезет. Короче говоря: они друг друга заметили. Дальше все как по писаному:

"- Не подскажите, как проехать до улицы Койкого?",

"- Направо, налево, за кольцом опять налево, эээ! Прямо!? Лучше я сама покажу. Нам в одну сторону.",

"- Окажите любезность!".

Людмила, женщина не робкого десятка, пристроив сумки на заднем сидении, села рядом с Архипычем. Даже в сидячем положении ей бросились в глаза его широкие плечи и, неприлично тонкая, для его возраста, почти мальчишеская талия. Вторая поездка сблизила их настолько, что они до темноты колесили по городу, а, остановившись за два квартала от ее дома, долго и ненасытно целовались. Кстати жила она, хоть и не близко от его дома, но в том же районе, где и он. Люди они были взрослые; у Людмилы, от не шибко любимого мужа, двое детей было, Архипыч и вовсе мальчиком не был. Поцелуи разожгли жажду, которую в машине удовлетворить никак нельзя было. После оценки обстановки выяснилось, что места лучшего, чем комнатка в гараже, и сыскать было нельзя. Посещали они эту комнатку регулярно. Правда, один раз они чуть не попались.

Архипыч подбирал Людмилу неподалеку от ее работы, затем они ехали в гастроном, где Архипыч приобретал, что ни будь, способное украсить их встречу. Как-то раз, действуя по сложившемуся ритуалу, он оставил машину с Людмилой возле гастронома, а сам зашел внутрь. Прикупив все необходимое, он, выходя из магазина, заметил свою жену, притаившуюся за киоском "Союзпечати". Она явно наблюдала за машиной и, сидящей в ней Людмилой. Решение созрело мгновенно. Твердым шагом, не подавая виду, что он знает, где стоит и что делает его жена, он подошел к своей "Волге":

- Девушка, - громко, чтобы слышала жена, подмигивая Людмиле и указывая глазами куда-то за спину, произнес он, - это не такси. Даже если бы это было такси, надо спрашивать, перед тем как в машину садиться.

- Ой! Извините! - Внезапно прозревшая, Людмила все поняла, - А я думала это такси... Мне в центр надо.

- Нет-нет, я туда не еду. Выходите, пожалуйста. - И, повернувшись к подходящей жене, сказал. - О! Маша, как ты здесь оказалась? Ты домой? Вот хорошо! Садись, поехали. - И, продолжая негодовать, добавил, - вот ведь люди! Как увидят "Волгу", сразу думают - такси. Хоть бы спросила, что ли.

Вот и в эту пятницу, отпросившись с работы пораньше, он позвонил Людмиле, назначил время и место встречи, где он собирался ее забрать в свой гараж. Жене, в тонкостях автомобильной технике не разбирающейся, он наврал с три короба, о, якобы, застучавшем, в очередной раз, движке и необходимости срочного ремонта. Подъехал к ближайшему гастроному за шампанским, свечами и деликатесами, которые должны были напустить романтизму в его скромное прибежище. Купленная в единичном, из-за недостатка средств, экзemplяре, алая роза, растрогала Людмилу, чуть ли не до слез. Ее жлоб, видите ли, таких знаков внимания никогда не оказывал.

Людмилу, накрытую на заднем сидении, в конспиративных целях, легким покрывалом, ни сторожа, ни бдительный сосед, по счастливому стечению обстоятельств, тоже полковник, как и в старом кооперативе, но на этот раз из милиции, не заметили. Правда с полковником Архипыч, не выходя из машины, поздоровался и, даже вскользь заметил, что собирается в моторе покопаться. Это и было роковой ошибкой в длинной, начинающейся с самого его рождения, цепи заблуждений и ошибок. Если бы сосед-полковник не знал, что Архипыч собирается заняться ремонтом, возможно и эта встреча окончилась бы благополучно.

Романтический ужин, так прекрасно начавшийся за журнальным столиком и обещавший лирическое продолжение на диване, был неожиданно прерван стуком в ворота. Разомлевший, от шампанского и присутствия

Людмилы, Архипыч уже доставал из прикроватной тумбочки, ждущие своего часа постельные принадлежности. Слегка раздосадованный внезапной помехой, он бросил простыни на диван, приложил палец к губам, сделал Людмиле знак: "Т-ссс!", вышел в гараж и закрыл за собой дверь в потайную комнатку.

Сосед-полковник, покосившись на закрытый, вопреки его ожиданиям капот, с порога обрадовал:

- Жена твоя сторожам звонила. Говорит, что свояки твои из Белоруссии приехали. Просила найти и передать, - и, указывая на закрытый капот, спросил, - а мотором, заниматься не будешь?

- Да, ну его, мотор этот! Ничего страшного. Так троит слегка, - деликатно выжимая полковника за дверь, добавил, - Завтра выходной, вот и займусь. Сбагрив соседа, Архипыч сообщил Людмиле, вопросительно глядевшей на него:

- Свояков черт из Белоруссии принес. Жена искала. Она толком не знает где гараж, а телефон сторожей знает, вот и позвонила. Вот, гадство... , уходить, как не хочется!

- А ты далеко отсюда живешь?

- Да, нет. В пяти минутах.

- Так сходи, встретить, побудь с ними минут двадцать, придумай, что ни будь и сюда. А я полежу, музыку послушаю, подожду тебя. Ты, гараж-то, снаружи запри. Сторожа музыку не услышат?

- Да, где там! Тут в одном гараже сварка, в другом, что-то куют, в третьем песни поют. Ты же знаешь: гараж это центр общественной жизни вне дома. Так что я быстро:туда - сюда и обратно. Он поцеловал Людмилу таким долгим и страстным поцелуем, что и предстоящая встреча со свояками начала стираться из его памяти, но Людмила, мягко отстранившись, подтолкнула его к дверям.

Свояки, приехавшие из Белоруссии, не чинились. Жажда, которая начала донимать их еще в дороге, и не думала успокаиваться. Стол был заставлен дарами Полесья и, правда, в меньшей степени, ассортиментом ближайшего гастронома. Центр стола украшала бутылка с самогонем, какую можно было увидеть только в фильме "Свадьба в Малиновке", такого устрашающего размера, что вошедший Архипыч еще с порога усомнился в реальности происходящего. Сизоватая прозрачность содержимого не оставляла никаких сомнений относительно ее крепости. Что несчастный Архипыч и почувствовал сразу же, выпив первый стакан, поднесенный щедрой рукой. Ему удалось проглотить здоровенный кусок сала и даже пожевать черного, с тмином, хлеба украшенного зубчиком чеснока, пока один из свояков боролся с невиданной в этих местах бутылкой, наливая второй стакан.

И суббота и воскресенье проходили в постоянной борьбе с диковинными размерами бутылки, а главное, с ее чудовищным и бесконечным объемом. Даже дружно выпитые, перед посадкой в такси (о своей машине жена и думать запретила), отправляющимися на вокзал и свояками и провожающими, стаканы, не истощили этот мощный источник. Вернувшись с вокзала и глуповато улыбаясь приятным впечатлениям, оставленным визитом свояков, Архипыч незаметно для себя наливал стакан за стаканом, пока спохватившаяся жена не унесла бутылку на кухню. Но к этому времени Архипыч был мертвецки пьян.

Вылетевший в образовавшийся проем тяжелый слесарный молоток угодил в центр его лба, оглушил, сбил с ног, но не убил, как это показалось случайным наблюдателям. Выскочившая следом за молотком и потоком

проклятий и причитаний из гаражных ворот, женская фигура метнулась вон из гаражного кооператива.

Забывая легкомысленным любовником на три дня несчастная мать двух детей и жена не шибко любимого мужа, который, тем не менее, искал свое сокровище по всему городу, последние 48 часов превращала, с помощью тяжелого слесарного молотка, сияющее синее чудо техники двадцатого века в груды покореженного металла. Сторожа ночной смены, слышавшие отдаленный грохот молотка по обшивке, решили, что кто-то рихтует свою машину, пострадавшую в аварии, и, пожелав божьей помощи ночному трудяге, выпили за его тяжкий труд очередную стопку и завалились спать.

А Архипыч? Ну, что Архипыч. Залечил гулю на лбу, отрихтовал, не скоро и не дешево, покореженный кузов, вставил новые стекла и поклялся сам себе не быть впредь таким рассеянным.